

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.10.11>

Рыбаков Роман Валерьевич

Материальное обеспечение комсомольских работников Омской губернии в первой половине 1920-х гг.

Цель исследования - выяснить степень материальной и финансовой обеспеченности комсомольских работников Омской губернии в начальный период новой экономической политики. В статье на основе архивных документов анализируется зависимость заработной платы союзной молодежи от общей экономической обстановки в государстве, выявляется ее динамика и проводится сравнение с заработной платой партийных служащих и рабочих. Раскрываются основные способы пополнения бюджетов местных комсомольских ячеек, направляемых в том числе на содержание штатных сотрудников. Научная новизна: впервые в отечественной историографии дается оценка материальной обеспеченности провинциального комсомола в годы нэпа. В результате доказано, что заработная плата штатных комсомольских работников была подвержена резким колебаниям, в начале 1920-х гг. уступала среднему заработку не только партийных служащих, но и рабочих.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/10/11.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 10. С. 55-60. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/10/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

8. **Ленский коммунар.** 1921. 23 июня.
9. **Ленский коммунар.** 1921. 24 июня.
10. **Ленский коммунар.** 1921. 2 августа.
11. **Макаров Г. Г.** Северо-Восток России в 1921-1922 гг. Якутск: Бичик, 1996. 336 с.
12. **Макаров Г. Г.** Северо-Восток РСФСР в годы военной интервенции и гражданской войны и переход к новой экономической политике (1918-1921 гг.). Якутск: Якутское книжное издательство, 1988. 304 с.
13. **Национальный архив Республики Саха (Якутия).** Ф. П-1. Оп. 1.
14. **Новгородов А. И.** Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Якутии / АН СССР; Сиб. отделение. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1969. 399 с.
15. **Пестерев В. И.** Гражданская война на Северо-Востоке России и антикоммунистические выступления в Якутии (1918-1930 гг.): монография / отв. ред. к. ист. н. Р. В. Шелехова; Комитет государственной архивной службы Республики Саха (Якутия). Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2008. 529 с.
16. **Чемезов В. Н.** Из истории Якутской организации РКП(б) (8 февраля 1919 г. – 6 июня 1920 г.). Якутск: Якуткнигоиздат, 1967. 216 с.
17. **Якутская правда.** 1920. 30 апреля.

The Yakut Branch of the All-Russian Communist Party (Bolsheviks) before and during Transition to New Economic Policy

Radchenko Natal'ya Nikolaevna, PhD

*M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk
radvolchen@mail.ru*

The research objectives are as follows: to trace history of the Yakut Branch of the All-Russian Communist Party (Bolsheviks) and to identify the key trends of its activity before and during transition to New Economic Policy (1920-1921). Scientific originality of the study involves a comprehensive analysis of the party organization activity trends, such as governing the region, forming the party cell system, socio-economic transformations, preparations for creation of the Yakut ASSR. The research findings: the author reveals dynamics of changes in the size of the local party organizations, analyses difficulties the party leaders came across, and proves that mistakes committed by the Regional Party Bureau chiefs resulted in aggravation of the political situation in the region.

Key words and phrases: communists; Soviet power; Yakutia; New Economic Policy; civil war.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.10.11>

Дата поступления рукописи: 11.05.2020

Цель исследования – выяснить степень материальной и финансовой обеспеченности комсомольских работников Омской губернии в начальный период новой экономической политики. В статье на основе архивных документов анализируется зависимость заработной платы союзной молодежи от общей экономической обстановки в государстве, выявляется ее динамика и проводится сравнение с заработной платой партийных служащих и рабочих. Раскрываются основные способы пополнения бюджетов местных комсомольских ячеек, направляемых в том числе на содержание штатных сотрудников. **Научная новизна:** впервые в отечественной историографии дается оценка материальной обеспеченности провинциального комсомола в годы нэпа. **В результате** доказано, что заработная плата штатных комсомольских работников была подвержена резким колебаниям, в начале 1920-х гг. уступала среднему заработку не только партийных служащих, но и рабочих.

Ключевые слова и фразы: комсомол; Омский губком РКСМ; молодежная безработица; нэп; заработная плата; комсомольские штатные работники.

Рыбаков Роман Валерьевич, к. ист. н., доц.
*Омский государственный технический университет
roman-rybakov@mail.ru*

Материальное обеспечение комсомольских работников Омской губернии в первой половине 1920-х гг.

Актуальность данной публикации обусловлена недостаточностью внимания исследователей к проблеме материального благосостояния штатных комсомольских работников в годы новой экономической политики. Если вопрос финансового и материального снабжения партийной номенклатуры в изучаемый период имеет определенную **теоретическую базу** (историографическую традицию) и представлен трудами таких ученых, как Е. А. Антонов [1], Н. И. Бубличенко [4], В. Н. Гузаров [7], А. А. Ильюхов [9], Г. Л. Олех [13], то подобно-го нельзя сказать о проблеме обеспеченности комсомольских работников на местах. Как правило, научный

интерес в сфере исторической ювенологии фокусируется на идеологических аспектах участия молодежи в социалистической модернизации государства, формирования новой социально-политической идентичности в 1920-е гг. Большое внимание уделяется роли комсомола в борьбе с молодежной безработицей в годы нэпа [2; 3; 11; 12; 15; 17]. Однако часто в исследованиях забывается, что для союзов молодежи проблема безработицы имела и собственное, корпоративное содержание, связанное с сокращением штатных сотрудников, поиском средств для работы и обеспечения членов ячеек. Кроме того, успех в достижении поставленных перед комсомолом задач, устойчивость передовой молодежи к давлению социально-экономических проблем не могли осуществиться без соответствующей материальной поддержки.

Таким образом, нами было определено главное направление исследования и поставлены следующие *задачи*: во-первых, выяснить общее материальное положение комсомольских ячеек накануне введения нэпа; во-вторых, проследить динамику заработной платы союзной молодежи в первой половине 1920-х гг. и сравнить ее с заработной платой других слоев общества; в-третьих, проанализировать основные способы решения материальных трудностей работников коммунистических союзов.

Для решения поставленных задач в качестве главного источника используются архивные документы: официальные отчеты, сводки финансового отдела Омского губернского комитета РКСМ, ведомости на получение зарплаты, переписка губкома с уездными комитетами и т.д., хранящиеся в Государственном историческом архиве Омской области. Методологической базой выступают традиционные *методы исторического исследования*: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический и историко-системный, а также методы количественного анализа. Совокупность используемых документов, а также методологический инструментарий позволяют достаточно полно осветить проблему материальной обеспеченности комсомольских работников Омской губернии в первой половине 1920-х гг.

Практическая значимость исследования заключается в формировании научного представления о жизни провинциальной коммунистической молодежи в условиях новой экономической политики. Результаты исследования могут использоваться при подготовке обобщающих трудов по истории молодежной политики в России.

С первых дней работы комсомольские ячейки повсеместно сталкивались с материальными трудностями. Молодежным организациям не хватало канцелярских принадлежностей, литературы, денег и одежды. Для успешной массовой работы требовались музыкальные инструменты и театральные инвентарь. Часто, испытывая затруднения и не сумев удовлетворить запросы молодежи, ячейки просто распались. Калачинский уездный комитет Омской губернии в сентябре 1920 г. сообщал, что работа в уезде окончательно встала. Причины падения работы назывались тривиальные: «...инструкторы все раздеты, теплой одежды ни у кого нет, и потому инструкторы сидят на месте. Ощущается недостаток в деньгах. Инструкторы и члены уездкома жалования не получают по 3-4 месяца» [6, д. 23, л. 48]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других уездах Омской губернии. Нехватка финансовых средств приводила к серьезным организационным проблемам, например, приезжим делегатам Тюкалинского уездного съезда в конце 1920 г. оказалось нечем оплачивать обратную дорогу и выдавать суточные [Там же, д. 9, л. 10].

Введение в марте 1921 г. новой экономической политики привело к усугублению финансового положения юношеских союзов. Огромная инфляция, дефицит самых необходимых товаров, падение покупательской способности населения, наконец, массовая безработица внесли коррективы в условия и порядок финансирования всех организаций, включая комсомол. Если осенью 1920 г. уездные комитеты просили помощи, то в 1921 г. они ставили ультиматум, снимая с себя ответственность за невыполненные задачи и массовый развал ячеек [Там же, д. 137, л. 8]. Следует отметить, что иногда это приносило результаты. В ответ на угрозы Тюкалинского уездкома Омский губернский комитет молодежи в марте 1921 г. писал: «...уездком не может слагать с себя ответственности в работе, только потому, что нет денег, необходимо учесть момент...» [Там же, д. 119, л. 29], – однако необходимые финансовые средства все же были высланы.

В комсомоле, так же, как и в партии, был свой штат оплачиваемых работников. Первое время количество сотрудников, наименования оплачиваемых должностей не были четко регламентированы. Однако уже в 1920 г., чтобы прекратить непланомерное, беспорядочное снабжение союзов молодежи, объединенный пленум ЦК РКСМ и ЦК РКП(б) постановил финансирование организаций осуществлять через губкомы партии. Всем уездным комитетам предлагалось своевременно составлять полугодовые сметы расходов, направлять их в губернские союзные отделы с подробной объяснительной запиской и отчетом о проделанной работе. Губернские комитеты из полученных заявок составляли единую смету для всей губернии, и после обсуждения с губкомом партии данные включались в общую партийную смету [Там же, д. 1, л. 77].

В результате были существенно ограничены штаты платных работников как губернского, так и волостного масштабов. Так, заработная плата в размере 1200 рублей полагалась только тем секретарям сельских ячеек Омской губернии, где количество членов было больше 50 человек. Таким образом, большинство комсомольских руководителей в деревнях остались без жалования. На хозяйственные и другие расходы выделялось всего 500 р. в месяц [Там же, д. 68, л. 6].

В 1921 г. по мере роста инфляции оклады комсомольских работников увеличивались, однако продолжали оставаться ниже средней заработной платы, получаемой рабочими на производстве. Согласно архивным документам, в марте 1921 г. рабочая молодежь на предприятиях г. Омска получала 5-6 тыс. рублей. В апреле оклады были увеличены еще на 57% [Там же, д. 65, л. 5]. Данные по заработной плате комсомольцев представлены в Таблице 1 [Там же, д. 44, л. 7, д. 160, л. 70, д. 165, л. 8, д. 223, л. 1].

Таблица 1. Оклады штатных сотрудников РКСМ Омской губернии в июне 1921 г.

Должность	Районный комитет	Волостной комитет	Уездный комитет	Губернский комитет
ответ. секретарь	2430 р.	3000 р.	3500 р.	4440 р.
зав. эконом. отдела	2430 р.	–	3500 р.	4440 р.
зав. полит.-просвет. отдела	2430 р.	–	3500 р.	4440 р.
инструктор	1500 р.	3000 р.	2500 р.	4200 р.
технический работник	1560 р.	–	1560 р.	1560 р.

Выделяемых средств на оплату труда штатных сотрудников комсомольских организаций было недостаточно для обеспечения нормальных условий жизни. Тяжелее всего приходилось инструкторам, разъезжающим по губернии, предоставляемые для этих целей деньги и продукты заканчивались достаточно быстро, и им приходилось голодовать по нескольку дней [Там же, д. 125, л. 35]. Виной тому был страшный голод, охвативший омские уезды в 1921-1922 гг. Со слов секретаря Тарского укома П. Лисина, организации в это время представляли собой какую-то армию, «которая находится все время в походах за хлебом. Члены организации уходят в хлебородные волости на работу, потом приходят обратно и опять уходят и так непрерывно» [Там же, д. 284, л. 53-54].

За счет зарплатной ведомости содержались не только активисты (секретарь, заведующие отделами), но и технические работники: машинистка, библиотекарь, техничка клуба, курьер и т.д. Как правило, на эти должности назначались подростки в возрасте 14-15 лет, получавшие небольшую заработную плату в середине 1921 г. от 500 до 1800 р.

В условиях массовой безработицы стать номенклатурным комсомольским работником стремились многие. Их преимущество заключалось в продуктивном и товарном обеспечении или пайке. Следует признать, что комсомольские, так же, как и партийные работники города, в это время снабжались лучше, чем простые рабочие. Хотя, безусловно, дефицит товаров сказывался и тут. Планомерное снабжение комсомольских организаций продовольственными пайками началось только с октября 1922 г. [Там же, д. 127, л. 3]. В ноябре 1921 г. было принято решение о снабжении сотрудников РКСМ одеждой. Лица, прослужившие менее 6 месяцев, в случае увольнения должны были вернуть полученные вещи, нарушившие правило несли ответственность как за расхитительство, потерявшие возмещали рыночную стоимость. Штатные работники, находившиеся на службе 6 месяцев и более, имели право взять одежду с собой при увольнении или перемещении [Там же, д. 120, л. 60]. Помимо этого комсомольцы снабжались и другими дефицитными товарами. Невзирая на объявленную комсомолом войну курению, осенью 1921 г. Омский губернский комитет направлял списки курящих комсомольцев в партком для получения сигарет [Там же, д. 130, л. 6]. Также им составлялись списки на получение револьверов, бесплатных проездных билетов на железнодорожный транспорт, билетов в театр и кино [Там же, д. 130, л. 269, д. 133, л. 187].

Несмотря на появившийся устойчивый штат комсомольских работников к 1921 г., Омскому губернскому комитету неоднократно приходилось напоминать о недопустимости его искусственного расширения местными ячейками. Например, Черлакскому волкому РКСМ губком в июне 1921 г. сообщал, что «волостному комитету полагается только один штатный работник – секретарь, никаких делопроизводителей в штате быть не должно, всю работу обязан выполнять лично секретарь» [Там же, д. 179, л. 49]. Запретил Омский губком в мае 1921 г. организовывать городской комитет в Калачинске, так как его функции исполнял местный уездком со своим штатом работников, равно как и отказал в учреждении должности секретаря политико-просветительной коллегии [Там же, д. 107, л. 79].

Усугубление экономической ситуации в стране в 1922 г. не могло обойти стороной комсомольские организации. В июне 1922 г. под предлогом борьбы с бюрократизмом были значительно сокращены штатные работники. В Омском губкоме, до этого насчитывавшем 24 штатные единицы, на оплачиваемых должностях осталось только 19 человек. На 75% сократился технический аппарат. «Оптимизации» подверглись волостные и уездные комсомольские организации, где в первую очередь увольняли инструкторов. Были ликвидированы волкомы в уездах, чьи функции передали волорганизаторам [Там же, д. 279, л. 3]. Серьезным образом пострадали работники молодежи национальных меньшинств, признанные малоэффективными и рассматриваемые как балласт. Против подобной практики выступило Сиббюро, указав на недопустимость сокращения штатов работников национальных меньшинств и призвав прекратить ликвидаторские настроения [Там же, д. 326, л. 2].

По итогам проведенных мероприятий секретарь Омского губернского комитета И. Коваленко сделал вывод, что сокращение штатов комсомольских укомов и райкомов пошло на пользу организациям, сделав их гибкими и вполне работоспособными, а в Омской городской организации «стали больше и лучше работать при упрощенном аппарате» [Там же, д. 254, л. 2]. Однако мнение мест было противоположным. Делегат Славгородского уездного комитета на очередном губернском съезде в сентябре 1922 г. прямо заявил, что работать стало хуже [Там же, д. 283, л. 1].

Сокращение штатных сотрудников не могло позитивно сказаться на работе комсомольских организаций. Выбывшие должности необходимо было кем-то заменять, в первое время была организована работа по совместительству. Например, секретари и инструкторы укомов совмещали свои должности с работой волорганизаторами, однако подобная практика продуктивности не давала. Поэтому при проведении районирования Омской губернии в 1922 г. через губком РКП(б) был выделен штат платных волорганизаторов и секретарей

ячеек по каждому району [Там же, д. 99, л. 53]. По всей видимости, данная мера оказалась временной, так как к обсуждению этого вопроса Омский губернский комитет вернулся в конце 1923 г., где вновь отметил, что имеющиеся волорганIZаторы работают в большинстве случаев по совместительству с другой работой, материальное положение их скверное из-за низкого жалования. В начале 1924 г. губком выделил средства для содержания 30 волорганIZаторов с переводом их исключительно на союзную работу [Там же, д. 256, л. 2]. Таким образом, формирование материальной заинтересованности стало одним из условий поднятия работы.

Внедрение в 1922 г. новой 17-разрядной тарифной сетки не изменило порядок оплаты труда комсомольских работников, которые по-прежнему зависели от партийных комитетов, но создало определенную путаницу в определении разрядов. Так, руководствуясь постановлением «О материальном положении партработников», в ноябре 1922 г. Тарский партийный комитет произвел выплату жалования сотрудникам комсомольской организации на два разряда ниже собственных (секретарь укома получил по 12 разряду, а члены укома, работавшие на местах в качестве инструкторов, по 11 и 10 разрядам), в добавок все работники укомпарта к основному окладу получили процентные надбавки, что вызвало недовольство комсомольской ячейки и побудило обратиться за разъяснениями в губернский комитет. 22 ноября 1922 г. Омский губернский комитет РКП(б) совместно с РКСМ издали предписание № 9157, согласно которому местные секретари укомов РКСМ получали заработную плату по 13 разряду, члены президиума – по 12-му, а инструкторы – по 11-му, что отличалось от разъяснений ЦК РКСМ об оплате работников РКСМ на два разряда ниже работников РКП [Там же, д. 268, л. 23]. Очередное изменение в тарификации произошло в 1923-1924 гг. Разряды комсомольских работников повысились и оказались равны партийным, секретарь губкома рассчитывался по 17-му разряду, управделами губкома, заведующие орготделом, политпросветом, экономической работой – по 16-му, секретари уездов и районов – по 15-му [Там же, д. 233, л. 36].

Однако несмотря на причисление руководителей комсомольской организации к высшим разрядам, в денежном эквиваленте их заработная плата в большинстве случаев значительно отличалась от партийной, так как многие не получали существующие надбавки. По сведениям исследователя В. Н. Гузарова, в это время размер получаемых партийным сотрудником премиальных мог в 24 раза превышать оклад [7, с. 44]. За ноябрь-декабрь 1923 г. секретарям многих укомов выдали жалование по 20-25 р., в то время как партийные работники получили в два раза больше [6, д. 304, л. 57].

Еще более плачевным было положение низового аппарата и комсомольских работников деревни, чья заработная плата, несмотря на более тяжелые условия быта, была значительно меньше, чем городских работников, составляя к середине 1924 г. 8-10 р. [10]. Для сравнения в Омске в октябре 1924 г. зарплата подростков (до 18 лет) на ж/д транспорте составляла 16 р., в мастерских – 17 р., на электростанции – 21 р. [6, д. 93, л. 14]. Пособие по безработице рабочей молодежи, состоящей на бирже труда в январе 1925 г., выплачивалось в размере от 7 до 11 р. [14].

Таким образом, несмотря на рост тарифных ставок руководящего комсомольского звена, в денежном эквиваленте получаемой заработной платы едва хватало, чтобы сводить концы с концами. Как отмечает Г. Л. Олех, скудость денежного содержания рассматриваемого периода «главным образом была сопряжена с кризисным состоянием советской экономики вообще и валютно-финансовой сферы в частности. Ввиду катастрофического падения курса рубля приходилось ежемесячно пересматривать тарифные ставки в сторону их увеличения, но это давало обратный эффект» [13]. Что, конечно, сказывалось отрицательно на работоспособности молодежных организаций.

Для решения материальных проблем своих членов в коммунистическом союзе молодежи пытались организовывать кассы взаимопомощи при губернских и уездных объединениях. Помощь оказывалась путем беспроцентных денежных пособий с обязательством возвращения через два месяца или выполнением каких-либо работ. Касса взаимопомощи формировалась из процентных отчислений от заработка комсомольцев, посредством постановки спектаклей, концертов, вечеров и лотерей, устройства платных субботников [6, д. 265, л. 12]. Однако данная мера в годы нэпа из-за общей тяжелой финансовой ситуации популярности не приобрела.

В 1922 г. был осуществлен перевод многих социальных учреждений на местные бюджеты. Комсомольские организации также должны были думать о самообеспечении. Ввиду минимума или полного отсутствия средств из центра необходимо было проявлять максимум инициативы для изыскания средств. Главным источником пополнения бюджетов комсомольских организаций были членские взносы. В условиях гиперинфляции, роста номинальной заработной платы увеличивались и ежемесячные отчисления. Из-за безудержного роста цен и всевозможных сборов (интернациональный взнос, в пользу печати, воздухофлота и пр.) в июне 1923 г. Сиббюро ВЦСПС установил максимальный размер отчислений с заработной платы молодежи в 5%, куда входили и 2% членских взносов [Там же, д. 363, л. 211]. В сельской местности разрешалось в виде исключения взимать членские взносы натурой [5, д. 301, л. 1 об.]. В феврале 1923 г. ЦК РКСМ освободил от уплаты членских взносов воспитанников детдомов и интернатов [6, д. 363, л. 155].

Сбор средств проходил очень тяжело, уездные комитеты Омской губернии, отчитываясь перед губернским комитетом, постоянно отмечали нерегулярность поступлений. Секретарь Тарского укома РКСМ С. Л. Кирилов так комментировал ситуацию летом 1922 г.: «...большинство членов нашей организации составляют крестьяне, а крестьянская молодежь мало имеет средств, в добавлении к этому указываем, что большинство волостей нашего уезда в настоящее время голодает, и эти причины не дают возможности регулярно взимать членские взносы. В городе членские взносы получаются, но большинство членов нигде не работает, а работающие члены не регулярно получают жалование и это задерживает взимание членских взносов» [Там же, д. 129, л. 23].

Славгородский уезд сообщал в феврале 1923 г., что членских взносов собрано очень мало, а постоянное выкачивание средств заставляет членов выходить из РКСМ [Там же, д. 389, л. 11].

Помимо членских сборов в мае 1923 г. в Омской губернии были установлены вступительные взносы: в городе – 5 рублей, в уезде – 1 рубль [Там же, д. 388, л. 24]. Местные ячейки практиковали такие любопытные способы пополнения бюджета организаций, как штрафы за неявку на собрание без уважительной причины, пропуск субботника, за ругань [Там же, д. 48, л. 52].

Однако поступления от членов ячеек не могли покрыть все расходы комсомольских организаций. Местные комитеты РКСМ обращались за помощью в различные советские организации. Для этих целей устанавливались связи с производственными предприятиями, социальными организациями, профсоюзами. Комсомольские ячейки просили денежных ссуд, продукты питания, канцелярские товары.

В условиях нэпа руководству Омской молодежной организации приходилось проявлять навыки коммерческой деятельности. Для покрытия дефицита имеющихся средств сдавались в аренду свободные помещения клуба «Дворца Молодая Гвардия», зимой организовывался каток с частичной продажей билетов [Там же, д. 271, л. 21]. Хотя занятие предпринимательской деятельностью, конечно, имело свои пределы. Индивидуальный заработок не поощрялся и вызывал порицание. Так, комсомолец Р. С. Либкин, работающий электромонтёром, в апреле 1923 г. поместил в адресной книге телефонной сети объявление о готовности выполнить любые электромонтажные работы, что вызвало недовольство заведующего Центральной электростанции, направившего в адрес комсомольской организации письмо, указывавшее на недопустимость подобных действий члена РКСМ [Там же, д. 198, л. 15]. Реакция городского районного комитета РКСМ на это письмо в архивном документе, к сожалению, не отражена.

Одним из способов решения проблемы поиска средств на оплату труда комсомольских работников стало их содержание за счет разного рода предприятий и учреждений. Для этих целей комсомол заручался поддержкой местных партийных комитетов. Обращаясь к организациям с официальным предложением взять на содержание комсомольского работника, комитеты фактически оказывали политическое давление. Как отмечает Е. В. Дианова, комсомолу в годы нэпа были свойственны иждивенческие настроения [8, с. 194]. Данный вывод можно подтвердить следующим примером. Тарский уездный партийный комитет предписал Седельниковскому волкому воздействовать на местную много-лавку с целью снабжения за её счет секретаря волкома РКСМ. Соответствующее письмо было направлено в адрес много-лавки и со стороны Тарского укома РКСМ: «Уком РКП и РКСМ, посылая в Ваш район секретаря РКСМ надеется, что Ваша много-лавка возьмет его на свое снабжение, оплачивая по 8 разряду. Посылаемый нами работник, разъезжая по району, в то же время будет выполнять и Вашу кооперативную работу. Вы должны знать, что РКСМ ведет чисто культурно-просветительную работу среди масс, что также ставит своей задачей и кооперация, как организация общественная. Если только Вы откажете в снабжении посылаемого Вам товарища, то это будет говорить за то, что Вы идете против человеческой культуры, мы этого себе не допускаем и надеемся, что Вы послужите примером другим много-лавкам» [6, д. 285, л. 64]. Содержание комсомольских работников за счет разного рода учреждений можно рассматривать как первый шаг на пути постепенного привлечения молодежи к социальному и государственному контролю [16] над этими предприятиями, активно реализуемому во второй половине 1920-х гг.

Однако не всегда предпринимаемые действия имели положительный результат. Аналогичная по содержанию просьба к Омскому биржевому комитету оказалась неудовлетворенной. Сославшись на отсутствие финансовых возможностей, биржа отказала в содержании заведующего сценой «Дворца Молодой Гвардии», комсомольца Малахова [6, д. 399, л. 142].

Иногда совместные действия партийных и комсомольских организаций можно было классифицировать как вымогательство. В конце апреля 1923 г. по предприятиям г. Омска были разосланы секретные письма, в которых указывалось, что постановлением Омской губернской партийной конференции учреждения города Омска должны перечислить денежные средства на воспитательную работу молодежи в размере от 5 до 20 червонцев [Там же, д. 141, л. 11-24]. Большинство адресатов беспрекословно исполнили требуемое, однако содержание некоторых ответных писем свидетельствует о чрезвычайном недовольстве подобными поборами в условиях резкого сокращения финансовых доходов предприятий. По этому поводу председатель Биржевого комитета писал: «...выдача разных пособий и обращение за ними принимают характер непрерывных обращений и требований. Очевидно учреждения, обращающиеся за этими пособиями, в своей деятельности главным образом рассчитывают на них в ущерб развитию предприимчивости и инициативе своих собственных сил, обременяя те хозяйственные предприятия, к которым направлены ходатайства о пособиях. Явление это принимает характер общий, повсеместный» [Там же, д. 399, л. 2]. Но, несмотря на крайнее недовольство, деньги биржа перечислила.

Таким образом, мы приходим к следующим **выводам**. С первых дней своего существования комсомольские организации на территории Омской губернии испытывали серьезные материальные трудности. Финансирование комсомольских комитетов было ограниченным. Заработная плата комсомольских работников уступала партийным и была ниже, чем у рабочих города Омска. Финансирование организации осуществлялось через партийные комитеты, что не облегчало жизнь комсомольцам, а наоборот, создавало дополнительные бюрократические сложности. На протяжении первой половины 1920-х гг. размеры окладов штатных служащих сильно колебались, что стало естественным следствием проводимых в государстве финансовых реформ. В то же время нами отмечается их неуклонный рост. Безработица напрямую коснулась комсомольских работников, сократив

их штат и создав проблему поиска дополнительных источников финансирования. Одним из способов ее решения стало содержание членов РКСМ за счет разного рода организаций, однако эта практика оказалась малоэффективной, вызывала волну недовольства учреждений и формировала одиозный образ комсомола. Дальнейшее направление научной работы видится нам в расширении хронологических и территориальных рамок исследования, что позволит провести фундаментальный анализ обозначенной проблемы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования Омской области в рамках научного проекта № 18-49-550004.

Список источников

1. Антонов Е. А. Материальное положение партноменклатуры Якутии в 1920-1930-е годы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2009. Т. 8. Вып. 1. История. С. 147-150.
2. Афонин А. В. Ограничение безработицы и социальная защита рабочей молодежи в годы НЭПа [Электронный ресурс]. URL: <http://hdirussia.ru/118.htm> (дата обращения: 29.04.2020).
3. Билим Н. Н. Формирование государственной системы охраны труда и здоровья советской молодежи в 1920-1930-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 2 (16). Ч. 1. С. 41-44.
4. Бубличенко Н. И. «Спецснабжение» партноменклатуры Башкирской АССР в период НЭПа // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 106. С. 28-36.
5. Государственный архив Новосибирской области (ГАОНО). Ф. П-187. Оп. 1.
6. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. П-36. Оп. 1.
7. Гузаров В. Н. Зарплата сотрудников партийного аппарата Томской губернской организации РКП(б): 1920-1925 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 2. № 2 (58). С. 43-47.
8. Дианова Е. В. Комсомол и кооперативное движение в 1920-е гг. // Манускрипт. 2018. № 11 (97). Ч. 2. С. 193-197.
9. Ильюхов А. А. Как платили большевики: политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917-1941 гг. М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2010. 415 с.
10. Комсомолец. Томск. 1924. 13 сентября.
11. Кучеренко М. М. Молодое поколение рабочего класса СССР: процесс формирования и воспитания (1917-1979 гг.). М.: Мысль, 1979. 187 с.
12. Маруцкий Э. С. Рабочая молодежь в условиях НЭПа и индустриализации. Саратов: Изд. центр Саратовской экономической академии, 1995. 179 с.
13. Олех Г. Л. К вопросу о денежном содержании чиновников РКП(б) в начале 1920-х гг. (по материалам сибирских архивов) [Электронный ресурс] // Сибирская заимка. URL: <https://zaimka.ru/olekh-salary/> (дата обращения: 29.04.2020).
14. Путь молодежи. Ново-Николаевск. 1925. 7 октября.
15. Рыбаков Р. В. Роль комсомола в регулировании трудовой деятельности несовершеннолетних в 20-е гг. XX в // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7 (21). Ч. 3. С. 164-168.
16. Слезин А. А., Ипполитов В. А. Молодежь в системе реализации политики государственного и социального контроля в СССР (1927-1929 гг.) // Научный диалог. 2019. № 6. С. 394-409.
17. Стецуря Ю. А. Молодежь в постреволюционном преобразовании России в 1920-1930-е гг. М.: Социум, 1998. 179 с.

Material Provision of the Komsomol Workers in Omsk Province during the First Half of the 1920s

Rybakov Roman Valer'evich, PhD
Omsk State Technical University
roman-rybakov@mail.ru

The study aims to determine the level of the Komsomol workers' material and financial provision in Omsk province during the initial period of New Economic Policy. Basing on archival records, the article analyses dependence of the Komsomol youth's salary rate on general economic environment in the country, identifies its behaviour pattern and compares it to the party cadres' salaries and workers' wages. The primary ways of replenishing budgets of the local Komsomol cells allocated, among other things, for the party cadres' salaries are elucidated. The research is novel in that material provision of the provincial Komsomol during the New Economic Policy period is assessed for the first time in the Russian historiography. As a result of the study, it has been proved that the Komsomol regular employees' salaries were subject to acute fluctuations; in the early 1920s, they were inferior not only to average earnings of the party cadres but also to those of workers.

Key words and phrases: Komsomol; Omsk Provincial Committee of the Revolutionary Communist Youth League; youth unemployment; New Economic Policy; salary; Komsomol regular employees.